

А.Ф. Платонова

На Страстной неделе

"Вечери Твоя Тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя прими".

Опять Тайная Вечеря, опять оживает и приближается к нам совершившееся почти 2000 лет тому назад.

Тихая Сионская горница, вечерний сумрак, мерцание светильников... Последняя вечеря... Последний раз на земле, грустные, встревоженные, напряженно ожидающие чего-то великого и страшного, собрались апостолы вокруг Возлюбленного ими и Возлюбившего их Учителя... Умование ног, преломление хлеба, благословение чаши, и эта невыразимо-трогательная прощальная беседа: "Чадца, еще мало время с вами есмь"... Потом: пение псалмов, спуск с горы Елеонской между виноградниками под кротким сиянием далеких звезд... Первосвященническая молитва, "о которой дерзновенно и говорить языком человеческим", и, наконец, переход по ту сторону Кедронского потока в темную глубину Гефсиманского сада... А там - подвиг, на который не смеют взирать ангелы, предсмертная тоска и молитва до кровавого пота Сына Человеческого. Как все знакомо, как все ощутительно близко!

Да разве, в самом деле, мы не были там со скорбящими учениками? Разве мы не слышали этой беседы, этой молитвы? Разве мы не припадали к груди Иисуса? Разве мы не рыдали над Ним потом, распятым и погребенным? Что до того, что тысячи лет отделяют нас от тех единственных в истории Вселенной дней? Невидимая, однако, реальная, более реальная, чем-то, что мы видим нашими плотскими очами, цепь соединяет нас с этим прошедшим. Каждый год, когда приближается страстная неделя, вспоминается задушевный маленький рассказик А. П. Чехова "Студент": студент Духовной академии приезжает на Страстную и Пасху к отцу в деревню. В холодную весеннюю ночь, греясь у костра, он рассказывает вдове-старухе, простой деревенской женщине, об отречении ап. Петра.

- Какая то была страшная ночь, бабушка! Унылая, длинная ночь... - говорит он и, рассказывая дальше, доходить до конца повествования: "исшед вон, плакася горько".

- Воображаю, - задумчиво прибавляет студент, - тихий, тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания.

Старуха слушает его и вдруг всхлипывает, и слезы, крупные, изобильные, текут у нее по щекам.

- Почему заплакала старуха? - подумал студент, и вдруг понял, что Петр близок этой простой женщине, что прошлое связано с настоящим неразрывной цепью... Студенту показалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного, как дрогнул другой...

И нас связывает с прошлым та же цепь, а если не связывает, то мы не христиане, потому что не пережили в своей душе всей муки и всей радости того крестного пути, которым шел Христос.

В Страстную неделю мы все более или менее чувствуем эту связь, все более или менее сострадаем Христу и чувствуем, что за нас, именно, за каждого из нас, принесена была Голгофская Жертва...

Но в эти же дни болью и тоской сжимается сердце: замолкнут торжественно-печальные тихие песнопения, прекратится скорбный перезвон, погаснут мерцающие свечи, пройдут великие дни, и опять, как бесчисленное множество раз, забудем мы, что они нам говорили, и жизнь опять захватит нас, порвет эту таинственную цепь, соединяющую нас и первых участников Тайной Вечери, и потечет, страстная, однообразная, унылая, полухристианская полуязыческая.

Да не будет так!

В великие дни Страстной седмицы, когда у души хоть немного вырастают крылья и дают ей подняться над землей, над временным и внешним, и заглянуть во внутренний, сокровенный и вечный смысл жизни, - пусть начнется и у нас новая жизнь!

В эти дни так тянет ко гробу Господню, к молитве и к скорби над распятым Христом и над собственной греховной природой... Неужели это настроение пройдет бесследно, будет мимолетным? "Людие Мои, что сотворих вам и что Ми воздаете?"

Нас трогает теперь этот Божественный Голос, но если бы всегда, непрестанно раздавался он в нашей душе и удерживал нас от соблазнов и падений от измены Христу!

Да голос этот и раздается постоянно, и если мы не слышим его, то потому только, что после Страстной и Пасхи вообще забываем о Христе, не делаем никаких усилий, чтоб оживлять в себе настроение великих дней, чтоб не терять из виду образа распятого Христа.

Как могли апостолы забыть о том, что они видели своими глазами и слышали своими ушами? Как могли мученики не умирать за Христа? Как могли истинные христиане всех веков, люди с цельным мировоззрением, люди дела, а не слова только, увидев Христа, поклонившись Ему и соединившись с Ним, забыть о том, что сделал для них Христос, и служить Ему не от всего сердца, а лишь наполовину? Образ Распятого всегда стоял перед ними и руководил их жизнью.

Никогда не расставаться с гробом Иисуса, "унести Лик Христа с плащаницы в свое сердце" и нести Его в жизнь, не расставаясь с Ним ни в каких искушениях и напастях житейских, - не такой ли обет должны дать все мы в скорбные и святые дни Страстной седмицы?

Но не значит ли это умножать и без того многие скорби человеческой жизни, которая на всем своем протяжении есть "история человеческой печали?" Надо взглядеться, однако, в образы тех, которые постоянно носили на себе язвы своего Господа...

Разве они были в удрученном состоянии духа? Разве от них, напротив, не исходили как бы лучи света, тихой радости, которая озаряла путь жизни всем, соприкасавшимся с ними?

Слезы самых суровых подвижников-аскетов не мешали им в то же время радоваться; а вспомним Св. Симеона Нового Богослова, прп. Серафима Саровского, старца Амвросия и других, подобных им, мысль которых не расставалась с распятым и воскресшим Иисусом, ведь они как бы плавали в океане невыразимого духовного блаженства! Не право суждение, будто мысль о кресте бросает на жизнь тень уныния и печали...

Все печали, вся мировая скорбь наша именно от того и происходит, что мы крест и на нем распятого Христа не ставим в центр всех наших действий, чувств и размышлений! Если бы люди помнили, какой дорогой ценой они куплены, они не мучили, не оскорбляли, не унижали бы друг друга.

Люди стараются забраться на самую вершину земного счастья, не чувствуют ответственности за погибающую душу ближнего, отдаются суетным злободневным интересам, или совершают преступления, проводя в жизнь святые начала братства, равенства и свободы, потому что не видят перед собой Распятого Христа. И жизнь становится для них бременем и проклятием.

А пусть загорится в их сердце прежде всякой любви любовь ко Христу, Сыну Божию, и, как огонь, опалит эта любовь всякую нечистоту жизни, и жизнь станет осмысленной, радостной, и в самой скорби своей будет для них благословением.

Предчувствие этой новой духовной жизни не испытываем ли мы в эти великие дни, которые посвящаем воспоминанию Страстей Господних, когда столько светлых и святых движений переживается нами в глубине нашей души?

Это действительно "истинная суббота, святой покой, неделя отдыха человечности в человеке, неделя по преимуществу духовной жизни души человеческой" (Царевский).

И неудивительно, что преосвященный Иннокентий в одном из своих слов на Великую субботу говорил:

"О, остановись, солнце! Продлись, драгоценный день, продолжи покой Божественного Страдальца!"